

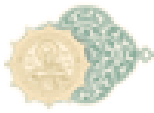

Терапевты и сочинение Филона Иудея „О Жизни Созерцательной“ (Περὶ βίου θεωρητικοῦ)¹⁾.

Исторический характер трактата. Стремление автора написать панегирикъ терапевтамъ и поставить ихъ выше всѣхъ мудрецовъ вѣка сказалось невыгодно на точности описанія и близости его къ предмету темы. Постепенность фактического изложенія часто прерывается личными разсужденіями и философствованіями Филона по поводу той, или иной черты жизни терапевтовъ; причемъ, иногда авторъ послѣ своего морализированія, вмѣсто продолженія прерваннаго описанія, снова возвращается къ тому, о чемъ уже было сообщено раньше, такъ что дѣйствительныхъ чертъ изъ жизни терапевтовъ у него крайне мало. Авторъ не говоритъ подробно и систематически о догматической и нравственной сторонахъ ученія терапевтовъ, довольствуясь замѣчаніемъ, что они—ученики Моисея, читаютъ Писаніе, размышляютъ о Богѣ и природѣ и поютъ псалмы во славу Бога. Не упоминаетъ Д. V. С. и именъ основателей αἱρεσι, оставившихъ произведенія, бывшія для терапевтовъ образцомъ аллегорической экзегетики; не говорятъ о числѣ аскетовъ, средствахъ ихъ жизни, времени возникновенія αἱρεσι; едва намѣчаетъ и внутреннюю ея организацію. Описаніе общихъ собраній терапевтовъ сдѣлано также слишкомъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Отъ чтенія Д. V. С. получается впечатлѣніе, что авторъ не описываетъ жизнь терапевтовъ, а разсуждаетъ по поводу наблюдавшагося имъ явленія аскетическихъ подвиговъ, какъ бы пользуется случаемъ соединить апологию съ пропагандой полу-религіоз-

¹⁾ См. Труды Киевской Дух. Академіи, февраль, 1909 г.

ныхъ, полу-философскихъ идей, выработанныхъ иудейско-александрийской мыслью. Увлекался философствованиемъ и полемикою съ тѣмъ, что, на его взглядъ, достойно порицанія, авторъ половину трактата удѣляетъ критикѣ; и какъ бы позабывая о своемъ общаніи „писалъ просто, безъ прикрасть, тщательно изслѣдуя истину“, создаетъ такой расплывчатый образъ, что читатель, по крайней мѣрѣ, нашего времени (современники Филона, быть можетъ, и не нуждались въ детальномъ, распространенномъ полѣствованіи, такъ какъ достаточно слыхали о подвижникахъ типа D. V. С.), отдѣливъ по возможности реальные штрихи отъ обычныхъ у Филона риторическихъ добавленій, лишень возможности съ увѣренностью сказать, кѣмъ же были эти загадочные отшельники, которые въ D V, С. описаны какъ образецъ нравственнаго аристократизма (*καλοκαγαθίας*, D. V. С. 482, 43, 486, 10) среди иудеевъ диаспоры. Филонъ, вообще, скупецъ на фактическія данныя. Если исключить *Legatio ad Caesarem* и *In Flaccum*, то въ морѣ его произведеній долго приходится искать какой-нибудь исторической, оброченной имъ случайно, подробности. Теоретико абстрактный и вмѣстѣ декламационный характеръ его изложенія и манера, уцѣпившись за попутное, случайное слово, пускаться въ аллегористику и нравственныя сентенціи на почвѣ восхваления иудейскихъ взглядовъ, отличаютъ и D V С. Оставаясь въ рамкахъ трактата, можно опредѣлить лишь основной тонъ жизни терапевтовъ: они—аскеты, подвижники. Но у изслѣдователя совѣмъ нѣтъ данныхъ для безспорнаго отнесенія ихъ къ какому-либо исторически-извѣстному типу внутренней жизни человѣчества въ эпоху Филона. Реальныя черты въ трактатѣ все же есть, и ничего неправдоподобнаго онъ не сообщаетъ. И Филонъ, и современные ему авторы достаточно завѣряютъ фактъ современнаго имъ массоваго ухода и язычниковъ и иудеевъ за „черту городовъ“ для жизни сосредоточеннаго уединенія. Монашество, какъ извѣстно, явленіе

не исключительно христианское, и высота подвига привлекала къ себѣ умы въ первомъ вѣкѣ не менѣе, чѣмъ въ четвертомъ; существованіе же рѣшительно у всѣхъ народовъ „симпатій къ пустынѣ“ объяснимо чисто психологически. Вездѣ были и находятся люди, не удовлетворяющіеся будничной обстановкой обыденности. Привыкнувъ на все смотрѣть съ точки зрѣнія высшихъ цѣлей, они равнодушны къ житейскимъ интересамъ. Идеалы людей имъ представляются мелкими, кумиры ничтожными, цѣли пустыми. Заурядная жизнь съ ея сутолокой, вѣчной нуждой, кажется имъ малоцѣнной, и „опечаленные“ (ср. Тер. 9, 2), они бѣгутъ въ одиночество, въ сущности давно уже оказываясь одинокими и малопонятными на базарѣ житейской суеты. Во все время люди, недовольные, быть можетъ, даже воображаемымъ, ничтожествомъ обыденныхъ условій общественнаго существованія, замыкались въ тѣсный кругъ своего „я“ и личностей себѣ подобныхъ, и всей душой предавались любимому дѣлу въ тиши обстановки, полной созерцанія и поэзіи. Вообще, „идея жизни, вполне преданной божественному, была во все времена равно восхитительна для высокихъ умовъ; только развитіе своеобразныхъ формъ аскетизма находилось всегда и вездѣ въ связи съ понятіемъ о святости жизни, полной правды и любви. Такъ какъ философія грековъ не имѣла этого понятія, то ихъ аскетизмъ не нуждался ни въ какихъ особыхъ формахъ проявленія. Лишь въ послѣднее время греко-римскаго періода начали различать добродѣтели всѣхъ и добродѣтели избранныхъ, добродѣтели жизни практической и жизни созерцательной. И аскетизмъ, вмѣстѣ съ этимъ, сталъ принимать такіе формы, которыя не могли имѣть общепримѣнимаго нравственнаго значенія“. Разрѣшенію позднѣйшей греческой философской мысли въ сторону разрыва съ „міромъ“ благоприятствовало и общее состояніе нравовъ, особенно бившее въ глаза въ крупныхъ центрахъ, гдѣ неизбежно вмѣстѣ съ культурой цвѣтуть и

пороки. Стойки иначе и не называли культурныя удобства городской жизни, какъ *ἀστική κακία*. Древній городъ, съ его преимущественно уличной, шумной жизнью, не могъ нравиться философу, желавшему проводить дни въ размышленіи. Жить въ лихорадочно-суетливомъ центрѣ „дѣланія денегъ“ ¹⁾, среди мрачныхъ, озабоченныхъ и озлобленныхъ фигуръ, человѣку отвлеченной мысли было невыносимо тяжело, и мы знаемъ, напримѣръ, что циннагорейцы и стоики (Сенека) рекомендуютъ бѣжать отъ „городскихъ золъ“ за „городскія стѣны“, въ сады и виллы (ср. Іоан. 18, 2), гдѣ человѣкъ, живя ближе къ природѣ, позабывъ неугомонную общественность, могъ бы погрузиться въ уединеніе, эту „пріемную Бога“ ²⁾. И если греческія школы имѣли свои мѣ-

¹⁾ „Въ Александріи никто не сидитъ безъ дѣла. Даже слѣпые и уроды работаютъ. Деньги ихъ божество, которому одинаково поклоняются и евреи и христіане и всѣ прочіе“ (Письмо Адриана отъ 134 г. по Р. Х.). Суевѣрная грубость и развращенность александрійцевъ свидѣлствуется не только Филономъ Vita Mos. lib. III. См. напр. Цицеронъ, Туск. 5. 27, 78.

²⁾ Ср. у Пушкина: D. V. С. 473, 15—17:
 Лишь божественный глаголь Вступающихъ на путь Эзо-
 До слуха чуткаго коснется, ризъ побуждаетъ къ тому исклю-
 Душа поэта встрепетъ. чительно небесное вліяніе, по
 Какъ пробудившійся орелъ. стремленію ихъ къ безсмертной
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра, и блаженной жизни;
 Людской чуждается молвы, 474, 19, 20:
 Къ ногамъ народнаго кумира безвозвратно покинувъ родныхъ,
 Не клонитъ гордой головы... они бѣгутъ изъ мѣста, гдѣ ро-
 ...Бѣжитъ онъ дикій и суровый, дились и воспитались, за город-
 И звуковъ и смятенья поля, скія стѣны, въ сады и рощи
 На берега пустынныхъ волнъ, у озера и моря.
 Въ широкошумныя дубравы.

Надо еще замѣтить, что въ эпоху, о какой идетъ рѣчь, жизнь созерцательная взяла верхъ надъ жизнью дѣйствительности, и неопредѣленная космополитическая филантропія смѣни-

ста уединения, то почему не могли стремиться къ тому же и образованные иудеи? Но крайней мѣрѣ, изъ Филона ясно, что многие изъ иудеевъ уходили отъ близкихъ и искали одиночества. Вотъ нѣкоторые мѣста, хорошо объясняющіеся D. V. C.

Говоря въ De Decalogo о значеніи пятой заповѣди, Филонъ разсуждаетъ: „Родители находятся какъ бы на пограничной линіи между безсмертнымъ и смертнымъ; они смертны, потому—что . раздѣляютъ со всеми другими бренность тѣла; но они и безсмертны, такъ какъ являются, подобно Богу, сотворившему все, причиною бытія другихъ. Теперь нѣкоторые, почтивъ родителей, обращаютъ вниманіе только на одну сторону, опускаая изъ виду другую. Наполнившись, какъ бы чистымъ виномъ, стремленіемъ къ святому, они окончательно разстались со всеми своими дѣлами, посвятивъ свою жизнь всецѣло службѣ Божіей. Другіе, напротивъ, вообразивъ, что нѣтъ у человѣка никакихъ обязанностей, стоящихъ въ сторонѣ отъ нуждъ другихъ, отдались исключительно человѣческому обществу, допуская свободно пользоваться своимъ имуществомъ другимъ, потому что они рѣшились дѣлиться съ ними и, насколько можно, облегчать ихъ скорби. Эти послѣдніе—настоящіе человеколюбцы, тогда какъ тѣ—боголюбцы; но надо сказать,

да живыя чувства любви и ненависти, какія объединяли гражданъ одного города въ бывшее время его политической свободы, когда люди, естественно, находили интересъ въ дѣлахъ государства—города, выросшаго, благодаря ихъ непосредственному участию въ жизни форума и агоры. Извѣрившись въ окружающемъ, человѣкъ обычно охладѣваетъ, прежде всего, къ вопросамъ жизни общественной, такъ какъ служеніе обществу вновь подчиняетъ его тому тону и порядку жизни, выносить который для него мучительно больно

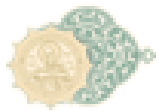

что тѣ и другіе только наполовину совершенны въ добрѣ¹⁾. Другое подобное же мѣсто есть въ De Septenario, гдѣ Филонъ говоритъ объ аскетахъ мудрости какъ среди грековъ, такъ и среди варваровъ (къ послѣднему классу онъ относитъ и іудеевъ), избравшихъ жизнь замкнутую и убѣжавшихъ отъ назойливости тѣхъ, кто суетливо хлопочетъ о многихъ дѣлахъ. Они, пишетъ Филонъ, такъ настроили свою душу, чтобы никогда не обижать другихъ и не оплачивать зломъ за несправедливости, перенесенныя ими самими. Поэтому они избираютъ себѣ жилища вдали отъ судебныхъ и совѣщательныхъ учреждений, площадей и мѣстъ собраний, всячески стараюсь не быть тамъ, куда сходятся первые встрѣчные люди. Они стремятся къ жизни полной мира; они благородныя созерцатели природы и всего, что въ ней есть. „Они, поистинѣ, лучшіе граждане міра, а ихъ согражданами являются тѣ, кто, подобно имъ, стремится къ мудрости“²⁾.

Въ De Abrahamo, одномъ изъ своихъ раннихъ трудовъ, Филонъ, нарисовавъ картину царящаго въ мірѣ зла, которое свило себѣ гнѣздо на шумныхъ площадяхъ, въ театрахъ клубахъ, собраніяхъ, добавляетъ, что „тѣ немногіе, кому знакомо добро, удаляются отъ подобной плохой жизни. Хорошій человѣкъ (ἀγαθὸς) любитъ уединеніе и желалъ бы скрыться, не по ненависти къ людямъ (οὐ διὰ μισοῦ ἀνθρώπων), — онъ другъ людей болѣе, чѣмъ кто другой, — но потому, что онъ презираетъ то, что любить толпа, радующаяся тому, что достойно снѣдь, и скорбящая тогда, когда надо бы радоваться; онъ замыкается въ себѣ и остается дома, не пре-

¹⁾ М. II, 198, 43—199, 20.

²⁾ II, 279, 1—20. Объ обычаѣ уходить за валъ, „за стѣны“ (городъ) упоминаетъ и Quis rerum d. haeres. M. I, 482, 27—32.

ступая дальше порога двери; или отправляется за городъ, избирая для жизни уединенное мѣсто въ полѣ“¹⁾.

Въ Quod Omni. Pr. Lib. есть краснорѣчивое мѣсто, не оставляющее никакого сомнѣнія въ существованіи отшельниковъ, „искавшихъ въ пустынѣ условій, удобныхъ для созерцанія божественныхъ вещей“. „Есть ли“, спрашиваетъ Филонъ, „и были ли когда среди людей такіе, которые отвѣчаютъ нашему идеалу (идеалу свободного мудреца)?“ И тутъ же отвѣчаетъ: „можемъ сказать, что въ древности были нѣкоторые люди..., избравшіе единственнымъ своимъ руководителемъ Бога, а закономъ своей жизни здравый разумъ природы... И въ наши дни есть люди, устрояющіе свою жизнь по примѣру тѣхъ древнихъ мудрецовъ... Если же они не замѣтны и не показываются въ толпѣ, то что удивительнаго? Прекрасное, во-первыхъ, рѣдко, а потомъ, такіа лица, удаляясь отъ общества, создаютъ себѣ благоприятныя условія для созерцанія природы. Они страстно желали бы исправить общественную жизнь просьбами и увѣщаніями, потому что добродѣтель желаетъ облагодѣтельствовать всѣхъ; однако, увидавъ, что всѣ усилія ихъ безполезны, вслѣдствіе развращенія, которое особенно велико въ городахъ, гдѣ страсти души усиливаются и подкрѣпляются разнообразными пороками, убѣгаютъ... Мы, если бы дѣйствительно имѣли искреннее желаніе исправиться, должны бы по ихъ слѣдамъ разыскать мѣста ихъ уединенія; и смиренно павъ ницѣ, должны бы просить ихъ появиться среди насъ и умирить жизнь нашу, ставшую такой дикой“²⁾.

Въ „De nominum mutatione“ Филонъ общаетъ нѣсколько позднѣе написать сочиненіе съ цѣлью показать, что „высшую мудрость на землѣ найти можно, такъ какъ она

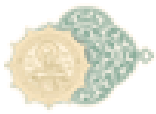
¹⁾ М. II, 4, 28—39. Ср. D. V. C. 474, 30—34.

²⁾ М. II, 455, 1—35.

не совсемъ отсутствуетъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые“. Изображеніе этихъ людей, осуществившихъ въ своемъ лицѣ высшую мудрость, сдѣланное въ выраженіяхъ, напоминающихъ суровыя правила позднѣйшихъ аскетовъ, удивительно подходитъ къ D. V. C: „Весь этотъ классъ мудрыхъ по собственной волѣ отказался отъ обладанія своимъ большимъ состояніемъ, какъ лишнимъ; они презираютъ то, что дорого для тѣла. О хорошей одеждѣ и статности тѣла заботятся атлеты, душу свою отдавая въ рабство тѣлу, тогда какъ оно должно бы быть слугою души; ревнители же мудрости бѣдны и истощены, стали въ нѣкоторомъ родѣ скелетами: они принесли всю свою тѣлесную крѣпость въ жертву душевнымъ способностямъ... У нихъ осталась одна душа; они сдѣлались какъ бы безтѣлесными умами, такъ какъ то, что есть земного въ человѣкѣ, разрушается и очищается, конь скоро разумъ стремится всецѣло быть угоднымъ одному Богу. Но такихъ людей рѣдко, если не невозможно встрѣтить: мудрецъ скрывается отъ насъ дурныхъ, такъ какъ добро стремится не сходиться съ порокомъ“¹⁾.

Мы не будемъ далеки отъ вѣроятности, если предположимъ, что къ этимъ „бѣглецамъ“, искавшимъ возможности безирецензительно служить Богу, принадлежали въ значительной степени и прозелиты іудейства. Положеніе прозелитовъ было довольно тяжелымъ. Окончательно оторвавшись отъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, теперь ихъ презиравшихъ и высмѣивавшихъ; оставивъ въ буквальномъ смыслѣ слова „отца, мать, жену, дѣтей“,—прозелиты не были полноправными членами и среди того народа, вѣру котораго они усвоили. Со стороны чады Авраама по крови духовныя чада Авраамовы встрѣчали болѣею частію индифферентно-покровительственныя взгляды. При такихъ

¹⁾ М. I, 583, 21 —584, 6.

условіяхъ устоять въ новой цѣрѣ прозелитамъ было трудно, и мы знаемъ изъ Іосифа (С. Ар. II, 10), что принавшіе іудейство язычники нерѣдко возвращались къ прежнему безбожію. Филонъ, какъ ревновавшаго о своей вѣрѣ, это очень огорчало, и онъ неоднократно рекомендуетъ соотечественникамъ относиться къ прозелитамъ болѣе сердечно. Что можетъ быть правдоподобіе того предположенія, что новообращенные язычники, чувствуя себя оскорбленными высокомеріемъ презрительнымъ отношеніемъ евреевъ, изъ которыхъ многіе уступали имъ въ ревности по вѣрѣ, и, съ другой стороны, опасаясь, какъ непріятнаго и вреднаго, общенія со „своими“, уходили за городъ, гдѣ составляли, быть можетъ, свои кружки, группируясь около возвышенно настроенныхъ отшельниковъ, знакомыхъ съ греческою философіею и потому болѣе свободныхъ отъ національных предразсудковъ? Въ трактатѣ *De Nobilitate*, написанномъ, замѣтимъ, въ защиту прозелитовъ, которые, по мысли автора, хотя и „принадлежать къ худороднымъ“, зато, не меньше, чѣмъ евреи, владѣютъ истиннымъ благородствомъ, благородствомъ души, украшенной добродѣтелями, говорится, что они въ очахъ Бога настолько могутъ быть выше чадъ Авраама, что Онъ любвеобильно приметъ эту дикую вѣтвь, приносящую добрый плодъ, отвергнувъ настоящей стволъ, гордившійся своимъ привилегированнымъ происхожденіемъ (*De Exeg. M. II, 433*).

Впрочемъ, опасность общенія съ развращеннымъ обществомъ чувствовали не только прозелиты, естественно бѣжавшіе отъ язычниковъ: необходимость удаленія въ уединеніе сознавалась и іудеями, наиболѣе чуткими къ религіозно-правственнымъ запросамъ. Этихъ іудеевъ смущала не только жизнь среди язычниковъ, но и связь съ единовѣрцами. Изъ Филона знаемъ, что многіе изъ евреевъ, увлекшись житейскими дѣлами и усвоивъ, вмѣстѣ съ греческими обычаями, и духъ скептицизма, не исполняли предписа-

ній о субботѣ и праздникахъ и уклонялись отъ обрѣзанія (De migrat. Abrah. M. I, 450; Vita Mos. M. II, 168). Удаляясь въ пустыню, подобныя личности надѣялись почерпнуть новыя силы для жизни, достойной истиннаго сына Израиля, „созерцателя Бога“. Въ Legib. alleg. lib. II. (M. I, 81, 44-47) Филонъ сообщаетъ о себѣ: „много разъ оставлялъ я своихъ родныхъ, друзей, городъ и поселялся въ пустынѣ, чтобы уразумѣть вещи, достойныя созерцанія (τῶν θεᾶς ἀξίων), но пользы себѣ отъ того не получалъ никакой; душа моя, затронутая страстью, разсѣвалась и увлекаема была въ противоположную сторону“. Такъ какъ указываемое Филономъ средство для поддержанія религіознаго настроенія не всегда оказывало желательное дѣйствіе, то не имѣемъ ли мы права думать, что къ нему прибѣгали тогда слишкомъ часто, и что оно было въ большемъ ходу? Ср. Мо. 4, 1.

Филонъ, по личному опыту убѣдившійся въ трудностяхъ жизни внѣ общества, не могъ одобрить тѣхъ, кто, еще юношею, бросалъ свои обычные дѣла и удалялся въ пустыню для совершенствованія въ добрѣ. Уединенная жизнь созерцанія, по мнѣнію Филона, достойна всякой похвалы; но ему не хотѣлось бы, чтобы этотъ высокій родъ жизни, такъ сказать, обезцѣнивался, принижался „молодыми созерцателями“, еще не закалившими себя въ „προπαίδεμα ἐγκύβληα“. Отдавая должное ревности такихъ созерцателей, Филонъ, однако, повторяетъ, что начинать созерцательную жизнь и можно и слѣдуетъ только въ почтенномъ возрастѣ, приблизительно съ 50 лѣтъ: и „левиты, говоритъ онъ, оставляли свою службу народу — при храмѣ — только въ 50 лѣтъ“¹⁾. Человѣкъ молодой, хотя-бы онъ удалялся за городъ, желая избѣгать порочнаго общества, заслуживаетъ порицанія: онъ, очевидно, хочетъ купить совершенство сразу и недорогою цѣной, за-

¹⁾ De profugis, M. I, 551, 31—33.

бывъ, что къ нему надо идти чрезъ долгую школу самовоспитанія. Гражданинъ долженъ всюду прилагать свои знанія, силы и способности, не уклоняясь ни отъ какого дѣла на службу обществу. Не слѣдуетъ избѣгать постоянно и плохой компаніи, такъ какъ это даетъ намъ возможность лишній разъ подвергнуть себя самоиспытанію. „Когда видишь“, читаемъ въ *De profugis*, „что злой торжествуетъ надъ добродѣтельнымъ и озабоченъ тѣмъ, что нужно бы презирать, славой, напримѣръ, или богатствомъ, удовольствіями, гордится своей несправедливостью... ты поостерегись тотчасъ же вступать на противоположный путь безсребренничества (*ἀργυρίων*), не смѣши начинать строгую и замкнутую жизнь: этимъ ты только раздражишь противника, наживъ себя врага. Вотъ какъ можно дѣйствовать, чтобы избѣжать непріятностей отъ его злобы. Ты и самъ живи со всѣмъ этимъ,—говорю не о дурныхъ проявленіяхъ души, но о томъ, что способно ихъ вызвать,—съ почестями, должностями, серебромъ, золотомъ, собственностью, картинами, скульптурными изображеніями,—со всѣмъ, словомъ, прекраснымъ. И когда ты соберешь все это около себя, тогда, подобно умѣлому художнику, вычеканивай, при посредствѣ этихъ матеріальныхъ вещей, благородный идеаль (*εἶδος ἀρίστον*) и достигай результата, достойнаго похвалы... Итакъ, если хочешь обличить плохого, но богатаго человѣка, не отказывайся отъ своихъ средствъ. Онъ, дѣйствительно, не извлекаетъ себя изъ имущества пользы и несвободенъ, подобно скрагѣ, собирателю монетъ. Ты же можешь дружески и участливо заботиться о пропитаніи бѣдниковъ, разплавъ въ отечествѣ добро, снабжать приданнымъ бѣдныхъ невѣстъ¹⁾... Если тебя пригласили участвовать за обильной трапезой, гдѣ ожидается крѣпкое вино (*ἄκρατον*), иди смѣло; только... какъ бы это

1) М. I. 549, 39—550, 4; 13—23.

это сказать. . наживайся съ трезвенностью (*οὐκ ἐν τρυφῇ αἰσιν τοῦτον. ἀφ' οὗτοῦ ποσειδῶντος*) Истина должна порицать тѣхъ, кто обычную жизнь бросаетъ безъ основаній. Такимъ мы должны сказать: вы стремитесь къ уединенной жизни, вдали отъ порочнаго свѣта. Но позвольте (*ἵνα ὅς*), что хорошаго вы сдѣлали, живи въ обществѣ? Вы презираете страсть къ деньгамъ. Что же вы не показали примѣръ правильного ихъ употребленія? Вы рѣшились презирать чувственные удовольствия, но воздерживались ли вы прежде, когда у васъ было много средствъ? Вы вымѣливаете (*ἡμετέρως*) государственныя дѣла, б. м., потому, что не понимаете, что, именно, полезно. Заботились ли вы о политическихъ и общественныхъ дѣлахъ, чтобы, приобретая, такимъ образомъ, опытъ, перейти къ другой, лучшей жизни? Поэтому что, необходимо прежде упражняться въ практической жизни, которая должна предшествовать созерцательной, подобно тому, какъ и передъ борьбой бываютъ предварительныя упражненія и проба силъ (*πρόσφυον*). Только въ такомъ случаѣ можно избѣжать упрека въ бездѣльности и праздности (*ὅχουον καὶ ἀργίαν*)¹⁾.

На основаніи приведенныхъ мѣстъ изъ Филона, и помимо D. V. C., можно бы нарисовать очень назидательный портретъ еврейскаго отшельника, ради служенія одному Богу покинушаго и родныхъ и имущество и по любви къ молчанию (*De profugis*, M. I, 559, 45: бѣжавшій міра есть *εργασίας ἀφ' οὗ προφύγει*), промѣнявшаго жизнь свѣта (*τοῦ πολιτικοῦ βίου*) на уединенную келью. Но не хотимъ утверждать, что тѣ, именно, „ревнители мудрости“, о которыхъ говорится въ сдѣланныхъ выдержкахъ, описаны въ D. V. C., и лучше воздержимся отъ выводовъ, какіе сдѣлалъ Конибиръ, представивъ терапевтовъ D. V. C. многочисленнымъ, хорошо организованнымъ орденомъ съ главнымъ монастыремъ при

¹⁾ M. I 550, 49—551, I 13—31.

Александрии и съ филиальными отдѣленіями по всему свѣту. Не множимъ примѣровъ аскетическихъ подвиговъ и въ современномъ D. V. С. еврействѣ и язычествѣ. Наша ближайшая задача показать, что восхваленіе въ D. V. С. жизни вдали отъ общества нисколько не удивительно для Филона, какъ автора этого трактата.

Нѣсколько останавливаетъ изслѣдователя и служить аргументомъ въ отрицательныхъ теоріяхъ то обстоятельство, что Филонъ не одобряетъ молодыхъ людей, „бѣжавшихъ за стѣны“, а D. V. С. поетъ панегирикъ жизни, далекой отъ дѣлъ, восхваляя и тѣхъ *οἱ νέοι* которые уже *ἐκ πρώτης ἡλικίας* почувствовали стремленіе къ „созерцательной, лучшей части, философіи“. Но, во первыхъ, трактатъ определенно проводить тотъ же взглядъ на соотвѣтствіе мудрости съ числомъ лѣтъ прожитыхъ человѣкомъ, что и псевдо-Соломонъ въ извѣстной притчѣ (Прем. 4, 9), и *οἱ νέοι ἐκ τῶν θεραπευτῶν πατήρων* 482, 37, быть можетъ, вовсе не молодые годами, но только юные разумомъ „новички“, „послушники“, говоря по нашему, только недавно вступившіе на путь *θεωρίας* и проходящіе еще періодъ искуса. Они „*ἐκ πρώτης ἡλικίας*“ могли сознавать превосходство жизни по высшимъ принципамъ надъ взглядами занятого землей человѣка, но не непременно должны были проводить свой „первый возрастъ“ въ обществѣ старцевъ-терапевтовъ. Но если бы „бѣжавшіе міра“, рѣшившись служить исключительно Богу (*θεραπεύειν θεὸν μόνον*), и дѣйствительно увлекали юношество, рисуя ему прелести уединенной молитвенной жизни въ тиши пустыни, то почему кружки ихъ за это, именно, необходимо должны были вызвать критику Филона? И теперь также нерѣдко опытные люди совѣтуютъ молодымъ не спѣшить съ поступленіемъ въ пастыри или постриженіемъ въ монашество; но эти совѣты бываютъ и искренними, и за ними не всегда скрывается порицаніе монашескаго и іерархическаго институтовъ.

Безграничное удивленіе, которое Филонъ выказываетъ предъ подвигами тералевтовъ, нисколько не обязывало его идти труднымъ путемъ исключительнаго созерцанія, отъ чего въ трактатѣ, какъ знаемъ, онъ быть, дѣйствительно, далекъ, держась рекомендуемой имъ среднимъ натурамъ умѣренности. *Ἀποφύγετε ἐν τῷ πειρῶν καὶ τῷ χιμίστῳ καὶ τῷ ἄριστῳ*, (De profugis M. I, 552, 16),—вотъ его личный девизъ.

Н. Смирновъ.